

*Мария Михайловна АКУЛИЧ —
зав. кафедрой социологии
и социального управления,
доктор социологических наук, профессор*

*Елена Вячеславовна КОМБАРОВА —
аспирант кафедры социологии
и социального управления
Тюменский государственный университет*

УДК 316.663.24

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются исследования социальных рисков зарубежных и отечественных социологов. Приводятся определения социальных рисков; ставится проблема их изучения и профилактики в отдельных социальных группах.

Results of analysis of social risks made by foreign and Russian sociologists are reviewed in this article. Determinations of social risks are also reviewed in this article. Problem of research and prevention of social risks in different social groups is pointed out.

В условиях современного российского общества, где происходят структурные и функциональные изменения, возрастает количество социальных рисков. Неустойчивость и неопределенность российского общества, а также ускорение социальных изменений привели к социальному напряжению и подверженности людей социальному риску. Это способствует возрастанию интереса к изучению социальных рисков.

В социологии социальному риску уделяется достаточное внимание. Первыми изучать социальный риск стали зарубежные ученые, такие как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, П. Словик, С. Лихейстайн, М. Дуглас, А. Вилдавски, К. Дейк и другие. Рассматривая концепции изучения социального риска зарубежных авторов, можно обратиться к методологическим подходам (постмодернистский, поведенческий, перцептивистский) исследования социального риска, которые выделил отечественный социолог В.И. Зубков [1].

Первым предложил понятие «общество риска» немецкий социолог Ульрих Бек. Его концепция «общества риска» относится к постмодернистскому подходу, в котором предметом исследования являются социальные изменения как факторы риска в обществе в эпоху позднего или высокого модернизма. В своем труде «Общество риска. На пути к другому модерну» У. Бек выделяет две ключевые теории: теория «общества риска» и теория «рефлексивной модернизации» [2].

В теории «общество риска» У. Бек утверждает, что в процессе развития современное индустриальное общество, характеризующееся распределением благ, постепенно вытесняется возникающим «обществом риска», отличительной чертой которого является производство и потребление рисков. По мнению У. Бека, «общество риска» начинает формироваться тогда, когда риски, производимые индустриальным обществом, начинают выходить из-под контроля социальных

институтов, обеспечивающих безопасность индустриального общества, и доминировать в публичном и индивидуальном дискурсах.

Немецкий социолог говорит о том, что социальные риски представляют собой не единовременные акты, а процессы, имеющие определенные фазы: распространение и потребление риска. Последняя фаза — фаза потребления риска — ведет к его накоплению и росту. Следовательно, концентрация риска ведет к «эффекту бумеранга», то есть рождается обратная связь, и потребление риска становится одновременно его началом и производством.

Определяя социальные особенности риска, У. Бек говорит о том, что риски становятся некалькулируемыми, неконтролируемыми и латентными. Риски не могут быть восприняты органами чувств человека и подвергнуты математической калькуляции. Такие риски воспринимаются и осмысливаются людьми только через знание. По мнению У. Бека, все общество разделено на экспертов риска и неэкспертов. Эксперты риска — это некие посредники между наукой и общественностью, например, средства массовой информации, которые влияют на готовность населения воспринимать некоторое явление как риск. Важно отметить, что некоторые угрозы специально акцентируются на внимании общественности для того, чтобы отвлечь от другого риска. Неэкспертами являются люди — жертвы различных катастроф, например, экологических, которые оказываются в зависимости от оценок экспертов. «Жертвы становятся некомпетентными в деле, касающемся их собственной жизни. Они утрачивают значительную часть суверенного знания. Вредное, таящее в себе угрозу, враждебное притаилось повсюду, но судить о вредности и полезности сами они не в состоянии и потому вынуждены пользоваться гипотезами, методами и контроверзами чужих производителей знаний» [3].

В концепции современного общества У. Бека, помимо теории «общества риска», существует и теория «рефлексивной модернизации». Здесь У. Бек приводит различие между понятиями «рефлексия» и «рефлексивность». Под рефлексией У. Бек понимает социальное осознание и осмысление процессов, порождаемых обществом риска, другими словами — это знание и осознание происходящих в обществе процессов, связанных с различными рисками. А под рефлексивностью ученый понимает столкновение общества с последствиями своего функционирования, в то же время социальная рефлексивность предполагает незнание, то есть не осмысление проблем, а произвольное и незаметное столкновение общества с результатами его развития, с рисками и опасностями, порождаемыми процессом модернизации [4].

Рефлексивность означает самоуничтожение индустриального общества. Она порождает глубокие социальные кризисы в обществе. Рефлексия же понимается как социальное осознание происходящих изменений. Она включает в себя публичную и научную рефлексию, экспертизу и контрэкспертизу, выработку альтернативных оценок и профессиональных практик, а также дискуссии внутри организаций и профессиональных кругов по поводу собственного развития [5].

Концепция риска британского социолога Энтони Гидденса также относится к постмодернистскому подходу изучения социальных рисков. По мнению Э. Гидденса, риск является процессом модернизации и активизируется процессами глобализации. Риск является «спутником системы, стремящимся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [6].

Э. Гидденс считает, что вторжение абстрактных систем, таких как информация, денежные системы, разделение труда, коммунальные услуги, средства метеорологического мониторинга и т.д., вместе с динамичной природой знания

означает, что сознание риска проникает в деятельность практически каждого человека. Исследование риска и оценки риска — один из способов «колонизации будущего», а это значит, что «весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми в тех пределах, которые, насколько это возможно, устанавливаются в результате оценки риска» [7].

«Колонизация будущего» создает новые формы риска, чаще всего институционально организованные, воздействию которых подвергается каждый человек. Для таких форм риска прежде всего свойственно рефлексивное отслеживание. В связи с этим Гидденс выделяет адаптивные реакции субъектов на осознание риска [8]. К адаптивным реакциям субъектов на осознание риска Э. Гидденс относит: прагматичное принятие риска, которое означает концентрацию на каждодневных проблемах для «выживания», постоянное преодоление; выдержанный оптимизм является постоянной верой в лучшее, несмотря на любые опасности, имеющиеся в настоящем; циничный пессимизм предполагает прямую причастность к неприятностям, вызванным опасностями со значительными последствиями; радикальное обязательство — это практическая борьба с существующими источниками опасности.

Э. Гидденс рассматривает риск в тесной взаимосвязи с таким понятием как доверие. Гидденс считает, что социальное действие, которое всегда рискогенно, возникает в результате принятия решения, основанного на доверии к социальной системе. Доверие, по Гидденсу, — это условие для снижения или минимизации риска. Таким образом, отсутствие доверия может привести к деструктивным последствиям для социальной системы [9].

Поведенческий подход изучения социального риска рассматривается в работах немецкого социолога Н. Лумана. В своей работе «Понятие риска» Н. Луман приводит онтологические основания в изучении риска и, по его мнению, понятие риска ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека [10]. Н. Луман говорит о том, что риск является основной чертой социальной действительности, где выбор действия — выбор из множества альтернатив — есть неопределенность будущего. Таким образом, Н. Луман утверждает, что нет поведения, свободного от риска.

Давая определение понятию риска, Н. Луман опирается на логику исчисления форм Дж. С. Брауна, в соответствии с которой исследователь должен оперировать не объектами, а различиями. Так, для определения риска Н. Луман использует два различия: «риск/надежность» и «риск/опасность». По мнению Н. Лумана, различие «риск/надежность», и различие «риск/опасность» построены асимметрично. В обоих различиях понятие риска обозначает «сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело, по меньшей мере, в современном обществе» [11]. Различие «риск/надежность» раскрывает проблему измерения, различие «риск/опасность» подчеркивает, что применительно к риску определенную роль играет решение. Опасности же — это то, чему никто не подвергается. Вследствие этого Н. Луман дает определение риска: «риск тогда не означает «факта», существующего независимо от того, наблюдаем ли он и кем именно наблюдаем» [12]. Он утверждает, что свободного от риска поведения не существует: для различия «риск/надежность» не существует абсолютной надежности, а различие «риск/опасность» означает, что если решение вообще принимается, то риска избежать нельзя.

Особое внимание Н. Луман уделял проблеме предупреждения риска. Под предупреждением Н. Луман понимает «подготовку к неопределенным будущим ущербам, будь то уменьшение вероятности ущерба или уменьшение его размеров» [13]. Таким образом, предупреждение возможно практиковать и в случае опасности, и в случае риска.

Н. Луман предметно рассматривает особенности рисков в различных сферах общества (политической, экономической и технической), а также риск в организации.

Наряду с постмодернистским и поведенческим подходами к изучению риска существует и перцептивистский подход. К данному подходу В.И. Зубков относит психометрическую парадигму, представителями которой являются П. Словик, С. Лихтенштейн, Б. Фишхофф [14]. Они предлагают изучение риска с точки зрения его восприятия респондентами. Принцип исследования риска в психометрическом подходе заключается в рамках интервью, анкетирования, ассоциативных, сценарных и статистических методах с целью количественной оценки респондентами опасностей, связанных с различными видами деятельности и имеющих различные характеристики. Таким образом, риск имеет разное значение для разных людей, его восприятие зависит от социокультурных, социально-демографических, психологических и ситуативных факторов.

Помимо психометрической парадигмы, к перцептивистскому подходу риска относится и культурно-символическая теория, которая исследует восприятие риска людей в силу их определенных мировоззренческих установок. Сторонниками данной теории являются американские исследователи М. Дуглас, А. Вилдавски и К. Дейк.

М. Дуглас считает, что исследовать риск необходимо с точки зрения коллективных культурных представлений и ожиданий. Изучая риск, М. Дуглас говорит о том, что в обществе выделяется культурная среда риска, в которую вовлекаются индивиды, образующие группы риска. Эти группы риска являются и источником риска. Представители одних групп риска воспринимаются другими членами общества как не похожие на них самих. М. Дуглас считает, что помощью риска можно устанавливать и поддерживать социокультурные барьеры между членами общества, тем самым регулируя процессы социальной интеграции [15].

А. Вилдавски и К. Дейк представляют несколько других теорий восприятия риска: теория знания, теория личности, теория экономическая, теория политическая, теория культуры. В основе теории знания лежит представление о том, что люди воспринимают технологии как опасные, потому что они знают об их опасности. В теории личности авторы акцентируют внимание на том, что некоторые индивиды любят рисковать и идут на риск, другие боятся риска и стараются его избегать. В экономической теории приводится различие отношения к риску по благосостоянию индивидов: богатые люди более охотно идут на риск, связанный с техникой, потому, что они больше получают выгод от этого и как-то защищены от вредных последствий. Бедные же, наоборот, испытывают прямо противоположные чувства. В теории политической риск рассматривается как борьба интересов. В теории культуры А. Вилдавски и К. Дейк рассматривают индивидов как активных организаторов собственного восприятия. Здесь индивиды избирательно подходят к риску и их предпочтения связаны с культурными предрассудками, т.е. мировоззрением или идеологией, ценностями, верованиями [16].

Таким образом, в вышеуказанных теориях восприятия риска М. Дуглас и ее коллеги показывают связь социокультурной организации с восприятием риска.

В отличие от начала исследования риска за рубежом, в России интерес к данной проблеме и дальнейшее развитие социологии риска возникли в связи с катастрофой в Чернобыле в 1986 году. Так, российскими учеными были проведены прикладные исследования поведения и восприятия ситуации населением, пострадавшим от техногенных и природогенных рисков.

Теоретическое изучение рисков в российском обществе началось с работ В.И. Зубкова, Ю.А. Зубок, С.А. Кравченко, С.А. Красикова, А.В. Мозговой,

О.Н. Яницкого. Отечественные исследователи риска изучают его в рамках трансформации российского общества, но каждый из них изучает риск в своем ракурсе.

О.Н. Яницкий в своей работе «Социология риска» попытался показать, как российское общество живет в условиях риска [17]. Анализируя работы зарубежных авторов, Яницкий сделал вывод, что Россия сейчас находится в совершенно другой ситуации, чем Запад: Запад озабочен радикализацией модернизации, а Россия — выживанием, а затем уже стабилизацией экономического и социального порядка.

По мнению О.Н. Яницкого, российское общество постепенно трансформируется в общество риска. В таком обществе опасность и рискозависимость становятся нормами повседневной жизни. «Обществом овладевает апатия (астенический синдром) — привыкание к жизни в экстремальных условиях и чрезвычайно высокий уровень социально-приемлемого риска» [18]. Новые риски и риски прошлого масштабны, структурно новы и российское общество не успевает контролировать их функционирование.

В связи с этим О.Н. Яницкий, опираясь на теорию рефлексивной модернизации У. Бека, предлагает провести «интенсификацию социокультурной рефлексии и рефлексивности». По О.Н. Яницкому, социокультурная рефлексия — это перманентное критическое осмысление меняющихся ситуаций и публичный диалог по поводу современного состояния общества. А под рефлексивностью О.Н. Яницкий понимает трансформацию старых и возникновение новых социальных акторов и институтов в ответ на вызовы общества риска. Одну из причин в формировании общества риска О.Н. Яницкий видит в «неспособности его правящей элиты к критическому и концептуальному мышлению» [19].

Производство рисков О.Н. Яницкий, вслед за У. Беком, раскрывает через понятие «эффект бумеранга» — феномен инверсии риска. Производимые обществом риски перемещаются, накапливаются, трансформируются и формируют среду жизни настоящих и будущих поколений. Производство рисков является мощным фактором изменения социальной структуры общества. Изменение социальной структуры достигается путем деления общества на производителей и потребителей риска. Также изменение социальной структуры может достигаться путем «эмиссии энергии распада». Данная эмиссия трансформируется в общности «лишних» людей, как мирных, так и агрессивных, стремящихся любыми средствами вернуть себе утраченный социальный статус и достойные условия жизни.

По мнению О.Н. Яницкого, одним из структурных результатов общества риска является формирование риск-солидарностей. Риск-солидарность делится на солидарность производителей риска и солидарность жертв риска. Для российского общества характерна вынужденная солидарность, т.е. негативная. Она состоит из противоестественной общности людей, так как основывается на вынужденной поддержке людей с противоположными ценностями и различными социальными статусами.

В.И. Зубков рассматривает понятие риска в поведенческом аспекте, говоря, что здесь речь идет о процессе принятия решения субъектом и его действиях в ситуации неопределенности. Зубков выделяет свою типологию рисков относительно российского общества: трудовые риски, риски в сфере быта, политические риски и культурные риски.

Предметное поле социологической теории риска, по Зубкову, выглядит следующим образом: общий анализ риска как социального явления; классификация и типология рисков по различным основаниям; анализ современных глобальных рисков и определение путей их снижения; изучение роли рисков в социальных

конфликтах и катаклизмах; изучение взаимосвязи риска и девиантного поведения; анализ коммуникаций по поводу риска; анализ рисков в различных обществах, культурах, в различных сферах и на различных уровнях социальной организации [20].

С.А. Кравченко и С.А. Красиков в работе «Социология риска: полипарадигмальный подход» [21] говорят о выборе подходов к изучению рисков. Кравченко и Красиков выделяют несколько подходов к изучению социального риска: первый подход основывается на том, что в определении риска используется теоретико-методологический инструментарий отдельно взятой парадигмы; второй — на основе использования методологического синтеза; третий — на использовании интегральных парадигм; четвертый основан на аккумуляции социологии и других социальных и естественных наук, пятый — полипарадигмальный — основывается на том, что каждая парадигма должна внести свой смысл в определение и изучение рисков.

В современной российской социологической науке имеет место и исследование конкретных социальных рисков.

А.В. Мозговая проводит исследования по экологическим проблемам современности, вызванным научно-техническим прогрессом. В ее работах технологический риск рассматривается как глобальный риск внедрения новых технологий и техник, так и риск на уровне отдельных производств. Для успешного развития и эксплуатации механических систем, по мнению Мозговой, необходимо изучение моделей образа жизни социальных общностей, проживающих в непосредственной близости от предприятий, характеризующихся потенциальным технологическим риском [22].

Ю.А. Зубок, изучая особенности поведения молодежи в обществе риска, поддерживая О.И. Яницкого, пишет, что особенностью современного российского общества является не распределение богатства, а следствие демодернизационных тенденций, вызванных ошибками в проводимых реформах. «Длительный кризис и нестабильность проникли во многие сферы жизни общества и накопились на социетальном уровне в форме устойчивого состояния риска. Это отражается и на общественном воспроизводстве, и на социальном развитии молодежи» [23]. Ю.А. Зубок уделяет большое внимание изучению процесса развития молодежи в условиях социального риска.

В целом можно сказать, что исследования риска в России начали проводиться относительно недавно, в связи с происходящими в обществе социальными трансформациями.

Что касается определения социального риска, то конкретного, общего, устоявшегося определения нет. Разные исследователи по-разному определяют понятие социального риска, вкладывая в него специфику изучаемой социальной группы или конкретной сферы деятельности. Но определения понятия «риск» в разных исследованиях тесно связаны с такими понятиями как опасность, угроза, неопределенность, вероятность событий с тем или иным исходом. Это выражает важные черты риска, а также в определениях риска всегда прослеживается процесс принятия решения в условиях неопределенности исхода событий.

Н. Луман в своем исследовании риска отмечает, что слово «риск» было востребовано тогда, когда у людей появлялось осознание ответственности за принятые решения. Под риском он понимает ущерб как следствие решения, а именно риск решения [24]. В.И. Даль в словаре живого великорусского языка истолковывал слово риск через глагол «рисковать, рискнуть» [25]: пускаться наудачу, на верное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, подвергаться

случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон (от игры). Он определяет риск как отвагу, смелость, решительность, предприимчивость. С.И. Ожегов определяет риск как возможность опасности, неудачи, раскрывающейся через выражение «идти на риск» [26]. Таким образом, во всех этих определениях речь идет об активности действующего субъекта, о процессе выбора альтернатив, вариантов действий.

Современные исследователи социального риска трактуют его как возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятность наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятность определенных благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия [27], а также как возможные последствия, проистекающие из-за невольного или дифференцированного и добровольного попадания людей в условия, которые оказывают вредное влияние на их жизнь либо жизненные возможности [28].

Анализ различных концепций изучения риска показывает, что существует довольно широкое предметное поле изучения рисков: технологические и экологические риски, вызванные научно-техническим процессом — здесь изучаются социальные аспекты, риски в различных сферах деятельности, восприятие риска экспертами и населением, восприятие риска различными культурами, общностями и социальными группами.

Придерживаясь точки зрения О.Н. Яницкого, который справедливо заметил, что существует ряд проблем на пути становления социальной рискологии как отрасли социологического знания (политизация социологии, нехватка молодых ученых в данной отрасли и т.д.), необходимо отметить, что недостаточно большое внимание уделяется профилактике социальных рисков, а также их преодолению. В связи с этим О.Н. Яницкий предлагает два пути развития социальной рискологии: регистрационный и аналитический [29]. Первый путь предполагает регистрацию колебания общественного мнения, страхов и тревог по мере возникновения катастрофических событий. Но данный путь ограничен дисциплинарными рамками, потому что понимание риск-динамики страны может быть достигнуто только на междисциплинарной основе. Второй путь — аналитический, основывается на апробации теоретического инструментария западной социальной рискологии на предмет ее релевантности к российской ситуации.

Современная ситуация в отечественной социологии относительно изучения социального риска характеризуется слабой теоретической определенностью его понимания, недостаточностью освещенности методологии и техники проведения социологических исследований, посвященных социальным рискам и факторам. В настоящее время недостаточно и исследовательских работ по изучению социального риска в различных социальных группах и общностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубков В.И. Социологическая теория риска: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 24.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Селедельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 384.
3. Там же. С. 64.
4. Там же. С. 135.
5. Там же. С. 137.

6. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Пер. С.П. Баньклвской // THESIS. 1994. Вып 5. С. 107.
7. Там же. С. 107.
8. Там же. С. 116.
9. Там же. С. 130.
10. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 150.
11. Там же. С. 151.
12. Там же. С. 154.
13. Там же. С. 156.
14. Зубков В.И. Социологическая теория риска: Монография. М.: Изд-во РУДН. 2003. С. 36.
15. Дуглас М. Риск как судебный организм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 250.
16. Вильдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS. 1994. №5. С. 268-270.
17. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: LVS, 2003. С. 192.
18. Там же. С. 44.
19. Там же. С. 2.
20. Зубков В.И. Социологическая теория риска: Монография. С. 24.
21. Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: Полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004. С. 17-24.
22. Мозговая А.В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве. М., 2001. С. 12-37.
23. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2. С. 148.
24. Луман Н. Указ. раб. С. 150.
25. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. М., 1995. С. 20.
26. Ожегов С.И. Словарь русского языка.
27. Кравченко С.А., Красиков С.А. Указ. раб. С. 24.
28. Павлова В.В. Социальный риск в агросфере // Социологические исследования. 1993. С. 81.
29. Яницкий О.Н. Указ. раб. С. 46.

*Елена Анатольевна ЛЮБИМОВА —
доцент кафедры социологии
и социального управления Международного
института финансов, управления и бизнеса,
кандидат социологических наук*

*Наталья Владимировна МАЛЬЦЕВА —
доцент кафедры социологии
и социального управления Международного
института финансов, управления и бизнеса,
кандидат социологических наук
Тюменский государственный университет*

УДК 316.472

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимодействие работодателей и наемных работников Тюменской области, осуществляемое в соответствии с действующей нормативно-правовой базой, в частности обеспечивается законом «О регулировании трудовых и иных, непосредственно связанных с ними,